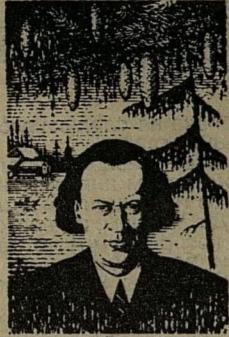

Лит. Россия. - 1994. - 9 дек. - с. 14-15.

Иван Евдокимов

«СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ» ЕСЕНИНА

В середине июня 1925 года в Литературно-художественном отделе Госиздата возникла мысль об издании «Собрания стихотворений» Сергея Есенина. Не однократно до того мне приходилось бедовать с поэтом об издании, но он был или нетрезв или занят своими предсвадебными приготовлениями. Эти последние в конце концов и послужили внешним поводом к ускорению дела. Была в Есенине, по-моему, одна черта: он ясно и отчетливо помнил трезвым все, что говорилось с ним за несколько дней до того, когда он был пьян. Однажды он пришел довольно рано.

Евдокимыч, я насчитал моего «собрания». Мы с тобой говорили в прошлый раз. У меня, понимаешь, свадьба, я жеюсь. Вместе со мной в один день сестра выходит замуж за Наседкина. Нельзя мне сразу получить тысячи две денег. Только надо скрошить.

Я его осведомил, что едва ли можно будет сделать так скоро, как он предполагает: договор на большую сумму, необходи́м будет получить согласие выших органов Госиздата и, конечно, поставить дело на «формальные» колеса, подать заявление, говориться об условиях и т.д.

Дня через два он появился с Наседкиным и под мою диктовку наспех написал следующее заявление:

«Литературный Отдел Госиздата

Сергей Есенин.

Предлагаю литературу: отдать, издать собрание моих стихотворений в количестве 10000 строк, по рублю за строку, с единовременной выдачей в 2000 рублей и оставляемые с ежемесячной выдачей по 1000 руб., начиная с 1 августа 1925 г. по 1 апреля 1926 г., сроком издания на 2 года, тиражем не более 10000 т. Мое собрание стихотворений и поэм никогда не издавалось. Сергей Есенин. 17/VI—25.»

Все условия его, были приняты, кроме одного: единовременной выдачей двух тысяч рублей. Летние месяцы — время обычного затишья в книгопродавческой деятельности — были трудными, и Госиздат вынужден был сократить свои расходы до минимума. Через неделю, 30 июня был подписан договор: поэт обеспечивал свою жизнь на много месяцев вперед. С июня началась выдача денег по тысяче рублей ежемесячно. Факт заключения договора с Есениным по высшей ставке — рубль за строку, никому из других поэтов не назначаемый, свидетельствовал о той высокой оценке есенинского творчества, какая была в Государственном издательстве. Кроме того, Госиздат договорился с поэтом о печатании всех его вновь написанных стихотворений отдельными книжками, после предварительного их распределения в периодической печати. Как общее правило, стихи на рынке идут плохо — эпоха наша полуравнодушна к стихам — и даже стихи Есенина, например «Березовый ситец», или медленно, тем не менее Госиздат пошел своей обязанностью издать его «Собрание стихотворений».

Надо было видеть ту редкую радость, которая была в синих глазах Есенина, когда дело закончилось во всех инстанциях.

Евдокимыч, — говорил он, — я написал тысячу пятнадцать строк. Я, понимаешь, отбери самое лучшее, тысячу. Это довольно: будет три тома. Понимаешь, первое мое «собрание». Надо издать только хорошо. Я теперь примусь за работу.

Обращение Есенина ко мне объяснялось тем, что главным образом мне пришлось иметь с ним дело в оформлении разных деталей: заведующим отделом Н.И. Николаевым мне это было поручено.

Уже вскоре Есенин принес первую партию стихотворений, затем другую. Рукопись была в хаотическом состоянии. Я засмеялся, засмеялся и он.

— Это ничего, — смеялся говорил Есенин, — я, понимаешь, как-нибудь найду, мы с тобой вместе и разберемся.

У него не было никакого плана издания, рукопись была неудобна для набора, в разных местах попадались одни и те же стихотворения, поэмы мешались с ранними стихотворениями и наоборот, испретанные лоскуты старых газет лежали.

(Продолжение. Начало см. в №47 от 25.11.94г.)

ЕСЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Софьей Андреевной произведении и ворчал:

— Соня, почему ты тут написала 14-й год, а надо 13-й?

— Ты так сказал.

— Ах, ты все перепутала! А вот тут надо десятый. Это одно из моих ранних... Нет! Не-е-т!

Есенин задумывался.

— Нет, ты права! Да, да, тут правильное.

Но в общем у меня получилось совершенно определенное впечатление, что поэт сам сомневался во многих датах. Зачеркнули ряд совершенно сомнительных. Долго обсуждали — оставлять даты или отказаться от них вовсе. Не остановились ни на чем. Проработали часа полтора-два. И сделали два тома: Есенин перескаивал от одного тома к другому, переделывал по несколько раз, быстро вытаскивая листки из грудки и перекладывая их, снова нумеровали, снова ставили даты, писали шмуртитулы и уничтожали их. Я записывал в каждом томе, чего недоставало и что хотел поэт донести потом: он диктовал. Остановился над поэмой «Страна негодьев». Есенин перелистал ее, быстро зачеркнул заглавие и красным карандашом написал: «Номах».

— Это что? — спросил я.

— Понимаешь, надо переменить заглавие. Номах это Махно. И Чекистов, ты говорил, я согласен с тобой, выдуманная фамилия. Я перемено. И вообще я в корректуре кое-что исправлю.

— А мне жалко название «Страна негодьев», — сказал я. — Номах очень искусственно.

Впоследствии он опять восстановил название «Страна негодьев».

Собирались и еще и еще. Есенин несколько раз приносил новые стихотворения, но уже небольшими частями, простиравляя некоторые даты, а главную, окончательную проверку по рукописям откладывал до корректуры.

И не дождался, не захотел корректировать!

Планирующие органы Госиздата наметили сдачу в производство «Собрания стихотворений» в ноябре с тем, чтобы, начиная с января, выпускать его по одному тому в месяц. В конце ноября все три тома были сданы в набор. В каждом свое посещение Есенин неизменно начинал разговор о своих стихах, спрашивал о корректуре, нетерпеливо ожидал их. Портрет, напечатанный в первом томе, он принес сам и хотел непременно поместить его. Выбрал он и формат книжек и не хотел никакого иного.

Последний раз он принес большое стихотворение «Сказка о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве». Был он под сильным хмельком. Мы все скопились в одно место. Есенин громко и жарко читал, размахивая листками.

— Это мое первое детское стихотворение, — кончил, сказал он.

Все ульбались и хвалили стихи. А когда он ушел, многие сразу запомнили и твердили отдельные строфы. Первое «Собрание стихотворений» Есенина, таким образом, сделано им самим. От временного невнимания к нему, вызванного большим состоянием поэта, он постепенно перешел буквально к страстному интересу, постоянно говорил о нем и даже мечтал с трепетом времен «Радиньи» — первой книги поэта.

— Понимаешь, Евдокимыч, — как-то тревожно похрипывал он, — будет три толстых книжки. Ты только каждое стихотворение пусти с новой страницы, как вот Демьяна Бедного печатаете. Не люблю я, когда стихи печатают, как прозу.

И он быстро перебирал пальцами, будто листал будущие тома своих произведений.

— Ты как думаешь, Соня, это стихотворение сюда лучше?

— А потом сразу скрал:

— Что же ты переписала? Где же то-то, понимаешь, недавно-то я написал? Ах, ты...

И так мешались грубость и ласка все время.

В отделе было душно и жарко. На лбу у него был пот, влажные руки он вытирал пиджак.

— Сережа, ты разденься, — подсказал я, — тебе будет удобнее.

А в душе думалось — вот он выйдет сейчас потный на улицу, простишь — и чахотка доделает свое дело. В эти осенние месяцы я много раз слышал рассказы о чахотке у поэта, о этом даже писал какой-то неловкий репортер одной из московских газет, сообщая о своем свидании в Италии с Максимом Горьким, который будто бы сказал:

— У Есенина горловая чахотка. Тут у него ничего не сделать нельзя.

Общее настроение отражалось и на мне.

Он скинул пальто и кашне и, будто всегда делал так, подал их же, а та, словно всегда раздевала его, взяла и спокойно положила на соседний свободный стол. Не скрою, я испытал неловкость.

Есенин торопливо, умело и знакомо шабаршился в Рукописи, видимо, помня каждое стихотворение, где оно лежало, и складывал их в грудкой. Листки расположились, он сиделся, хватал их... Сделали первый том. Начали определять даты написания вещей. Тут между супругами возник разлад. И разлад этот пройтился по ряду стихотворений. Есенин остановил глаза на переписанном

десные глаза на белом лице, будто слегка посеревший снег с шероховатыми весенними выбоинами от дождя. Связанных воспоминаний я не сохранил, потому что не записывал, не было в этом нужды, казалось, и без записи все запомнился надолго. И все не запомнилось: память оказалась коварна, кое-что она упорно подсказывает, но без должной убедительности. И то, в чем я не уверен, я не пишу. Некоторые моменты запомнились настолько ярко, будто они были сейчас, я и слышу его веселый и негодящий, и капризный, и отчаянный голос. Эти чисто фрагментарные, мозаичные моменты были таковы.

Как-то в октябре он торопко и жалобно

кричал на диванчике:

— Евдокимыч, я не хочу за границу!

Меня хотят отправить лечиться к немцам!

— Ах, мне противно! Я не хочу!

На чёрт! Ну их, немцев! Тыфу!

Скучно там, — тошнит меня от заграницы!

Я сдухну там! Я буду волноваться!

Мне надо деревню, в Рязанскую губернию, под Москву куда-нибудь, в санаторий.

Ну, их к! Этот немецкий порядок

аккурат-вокулат мне противен!

— А ты не езди, — отвечал я, хотя в

душе думал противоположное.

— Не поеду! — решительно махнул рукой пьяный поэт.

На глазах у него были слезы.

— Меня уговаривают все — и Берзина, и Воронский. Они не понимают — мне будет там хуже. Я околею там по России.

Ах, Евдокимыч, если бы ты знал, как я люблю Россию!

Был я в Америке, в Париже, в Италии — скуча, скуча, скуча!

Я люблю Москву. Москва очень хороша ночью, когда луна...

Днем не люблю Москву.

В деревне я хочу на месяц, на два, на три!

Вот мы с Воронским поедем

на четыре в одно место...

Это хорошо!

На границе мне ничего не написать!

Но я не могу...

Но я не